

Тётя Поля была моей Ариной Родионовной, которой я читал свои первые рассказы. Из вечера в вечер она рассказывала мне свою долгую жизнь, где был суровый неведомый мне муж, почившие в младенчестве дети, немецкие танки на деревенской улице, от грохота которых рассыпались кровли. О чуде Пресвятой Богородицы под Москвой, которая вдруг явилась и погнала немцев прочь от столицы. О Ново-Иерусалимском монастыре, земли вокруг которого носили имена евангельских гор, селений и рек. Здесь были Фавор, река Иордан, Геннисаретское озеро и Гефсиманский сад.

Я носился по лесам и полям на своих красных охотничьих широких, как лодки, лыжах, не задумываясь, что ношуся по местам, где ступала нога Христа. Ношуся по лесам и деревенским околицам, где лёг костым священный парад 1941 года, с Красной площади ушедший воевать под Волоколамск и под Истру.

ОДНАЖДЫ В ЛЕСНОЙ ГЛУШИ, среди осин и берёз я наткнулся на остов немецкой штабной машины, у которой не было ни мотора, ни приборов, ни сидений, а только чёрный ржавый каркас. Из этого каркаса выпростался в небо огромная берёза. Я вдруг подумал, что вся немецкая армия — и этот "Мерседес", и танки, и пушки, и оружейный ствол, убивший моего отца, — остановились на эту берёзу, и берёза подбила их всех, остановила и погнала обратно.

Я не знаю, сохранились ли по сей день оствы "Мерседеса" или его источили русские мхи и лишайники, съели русские муравьи. Но сегодня, когда Запад снова грозит намешивать, я вспоминаю этот "Мерседес" и эту берёзу.

Однажды на опушке леса я встретил художницу, которая масляной краской нарисовала пейзаж. Эта художница стала моей женой. И в последующие годы, когда ещё не родились мои дети, мы странствовали с женой по Русскому Северу. Я собирал волшебные русские песни, она рисовала поморов, которые доставали из бирюзовых вод огромных, сверкающих, как зеркала, рыб. Мы привозили в наш московский дом старомодные домотканые юбки, алье сарафаны, холщовые полотенца с малиновыми вышивками, где скакали кони, сидели на ветвях волшебные птицы и распускала ветви Берения — древо русского познания добра и зла.

...Я знал и мог спеть сто русских народных песен, видел столько русских монастырей и храмов, перечитал столько древнерусских грамот и летописей, я так любил жену и детей, так чувствовал русскую природу и неисповедимость русских дорог, что однажды мне явился ангел. Это было на Оке, в заливных лугах под

Лопасней. Он встал передо мной из раскалённых трав, из кипящих серебряных вод — огромный, поднебесный, напиминавший столп света. Он поднял меня на руках, вознёс над миром, показал мне мир со всеми океанами, материками, островами и произнёс какое-то слово. Я не мог понять, что это за слово. Но оно было огромным, прекрасным и всеобъемлющим.

Ангел был могущественным. Но это могущество было могуществом любви и красоты. Мгновенье он держал меня на руках и опустил на землю. После этого я живу как человек, увидевший ангела. Быть может, в этого ангела превратилась старая тихвинская колокольня или та берёза, пронизавшая оством немецкой штабной машины. Но этот ангел рассказал мне, что есть бесконечная, благая, восхитительная жизнь, где нет бед, уродства, тьмы, а одна красота и любовь и где нет смерти.

Я ПУСТИЛСЯ В СТРАНСТВИЯ. Кем я только ни был, чем ни занимался! В геологической партии с радиометром я искал уран. В Хибинах среди синих полярных снегов водил караваны туристов, наблюдая вечернюю светомузыку гор. Я был проводником слепых, был их глазами, рассказывая о красотах русских храмов и русских озёр.

Тогда же я опубликовал мои первые рассказы в провинциальных газетах. И вдруг — о, чудо! Меня пригласила самая влиятельная, самая высокопоставленная, самая экстравагантная газета тех лет — "Литературная газета", чтобы я украсил её чопорные чёрно-белые аналитические материалы своими расписными, как палехские шкатулки, очерками о народных искусствах и промыслах. И, оказавшись в этой газете одиноком чудачком, сказителем и скоморохом, я вдруг попал на Даманский во дни кровавого советско-китайского конфликта.

Там была Уссури ещё подо льдом, где гремели могучие воды. Были далёкие рыжие сопки на китайском берегу в неопавших дубах. Были кровавые лёжки на снегу, где лежали раненые и убитые советские пограничники. Были горевшие базары с пробоинами и красивые кумачовые гробы, где лежали недвижные, заострившиеся носами убитые пограничники.

На вертолётах к ним доставили матерей, и те вбегали в палатку, где стояли гробы. Искали среди мертвецов своих сыновей, падали на них и рыдали. "Кояля, Коленка, мой родной сыночек, да какой же ты стал большой! Так, что и в гробик не влезлши..." "Петя, Петенька, мальчик мой дорогой, а наша собачка Жучка пятерых щенков родила..." Они причи-

тали, падали без чувств, солдат выпивал на них из жестяной кружки ледяную воду. Они приходили в себя и снова рыдали над гробами.

И я понял, что именно так рыдали над гробами своих сыновей и мужей все русские женщины на протяжении всех неоглядных русских веков. Что русская история — это не только та, что связана с народными песнями, монастырями и сказаниями. Но русская история — вот она, здесь, сейчас, на этой приграничной заставе, залитой кровью, где всё дышит большой и ужасной войной.

И там, с Даманского, опубликовал в газете мой приграничный репортаж, я начал другую жизнь. Из мира исторических мечтаний, воспоминаний и упований, из восхитительных суждений историков и поэтов я кинулся в окружающий меня грохочущий мир советской цивилизации, могучей советской техносферы, пленявшей меня, писателя, своими фантастическими образами. Эти образы отсутствовали в современной литературе, где господствовали "деревенщички", то-сковавшие по уходящей русской деревне, или городские писатели-трифонианцы, скорбевшие по разгромленной Сталиным ленинской большевистской элите. Мне хотелось описать новую реальность, используя для этого новую, создаваемую мною эстетику.

В ВОРОНЕЖЕ на авиационном заводе я видел, как строится первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолёт Ту-144 — белоснежный острокрылый журавль. Распахивались ворота грандиозного цеха, самолёт из сумерек выкатывал на солнце и взмывал в голубое небо.

На угольных карьерах работали громадные шагающие экскаваторы, вгрызаясь стальными фрезами в угольные пласты, кроша победитовыми зубьями хрустящий уголь. И мне казалось, что в этих сверкающих чёрных кусках шелезят первобытные папоротниковые леса, летают громадные чернотазые стрекозы.

На Мангышлаке, в городе будущего — Шевченко, я видел возводимые среди пустыни восхитительные дома и атомную станцию на берегу Каспийского моря с опреснителем, похожим на сверкающего, в блестящих доспехах рыцаря. Мы закладывали в каменную почву взрывные шашки, микровзрывы выпалывали в камне лунки, мы насыпали в эти лунки привезённую с материка плодородную землю, сажали яблоны. Я подносил трубку, из которой была опреснённая атомной станцией вода, поливал землю. Пила земля, пила яблоны, пил я, припадая губами к стуженой воде.

Продолжение — на стр. 4-5

РУССКИЕ НЕ ОТСТУПАЮТ

Джон МИРШАЙМЕР

Американский политолог о конфликтах XXI века

Предлагаем вниманию читателей фрагменты выступления Джона Миршаймера в рамках открытых дебатов премии Хольберга, состоявшихся недавно в Норвегии.

Джон Миршаймер, профессор политологии Университета Чикаго, известен в научных кругах как основоположник теории наступательного реализма. Его теория основывается на следующих предпосылках: международная система отношений анархична, главная цель государств — выживание, поэтому первоочередной задачей является обеспечение национальной безопасности, в том числе и за счёт военного строительства.

Профессор Миршаймер последовательно выступает с критикой внешнеполитического курса США и их западных союзников по отношению к России. Его позиция достаточно прямолинейна: не надо использовать жёсткий подход для решения украинской проблемы и не надо загонять Россию в угол. Россия — великая держава, а она не исчезнет с карты мира, когда конфликт будет завершён. Природные ресурсы, огромная территория, многочисленное по европейским меркам население — всё это останется, всё это по-прежнему будет способствовать особому статусу России в глобальной политике.

Разжигание украинского конфликта — большая ошибка, потому что у России есть тысячи ядерных боеголовок. Ракеты с такими боеголовками в любой момент могут быть использованы против тех, кто пытается играть в прокси-войну с Россией.

Тем не менее США во внешней политике придерживаются тактики удваивания ставок. Ещё в 2014 году американскому правительству стоило бы понять, что расширение НАТО — не очень хорошая идея, но оно, наоборот, решило удвоить напор. И именно по этим действиям к 2021 году Россия поняла, что США делают Украину де-факто членом НАТО.

И сейчас они продолжают подстрекать Украину к войне "до последнего украинца", при этом не торопятся отправлять американских солдат в зону вооружённого конфликта, а поставляют оружие, тренируют, консультируют. При этом никто из американских политиков не

верит, что украинцы вдруг победят русских, но надеются на возникновение патовой ситуации. Изначально многие на Западе думали, что если украинцы будут активно сопротивляться, Владимир Путин разведёт руками и скажет, что он был неправ, начиная операцию на Украине, и что якобы будет государственный переворот в Москве, и на место Путина придут другие лидеры, которые будут вести себя так, как нужно США. Но если бы американские политики немного лучше знали историю и политологию, они бы поняли, что такого не могло быть в принципе. Русские не отступят.

Профессор уверен, что в противостоянии с Западом Россия одержит победу. Ибо Америка сражаться на смерть за Украину не станет. А для России то, что происходит, — это экзистенциальная угроза, и степень решимости у русских на порядок выше.

Западу следует понять, что по мере эскалации конфликта победят русские, а не Запад. Когда для великих держав возникают высокие риски, они не останавливаются ни перед чем. Именно поэтому Россия будет сражаться на Украине до полной победы.

При этом последствия для "внешних раздражителей" такой великой державы, как Россия, могут быть необратимыми. По логике профессора, вступление Швеции и Финляндии в НАТО — неординарный шаг, потому что положительное влияние на безопасность этих государств сомнительно, а вот отрицательный эффект в виде разорванных, испорченных соседских отношений с Россией очевиден.

В то же время западные союзники сейчас предпринимают ряд необдуманных шагов, например, ужесточают давление на Иран, что может способствовать кооперации Ирана и России, в том числе в реализации ядерной программы Исламской Республики Иран, а значит, появлению на Ближнем Востоке ещё одной ядерной державы.

Единственная мудрая стратегия для США — пытаться избежать факторов риска, сгладить противоречия, которые могли бы привести к ядерному конфликту, разработать основные принципы для дальнейшего диалога Запада с Россией.

один американец, отправляясь спать, не беспокоится о том, что какая-либо другая страна в Западном полушарии нападёт на нас. Почему? Потому что мы — Годзилла! В международной системе так устроено, что вы хотите быть Годзиллой и вы хотите остаться единственной Годзиллой на планете.

Что ж, китайцы это понимают. Китайцы хотят господствовать в Азии так же, как Соединённые Штаты господствуют в Западном полушарии. Китайцы прекрасно знают, что происходит с вами в международной политике, если вы слабы. Они называют это веком национального унижения. Он длился в Китае с конца 1840-х до конца 1940-х годов. Они были слабыми, а когда они были слабыми, ими пользовались. Вы можете быть уверены, что они хотят обеспечить положение самого могущественного государства в Азии, и вы можете быть уверены, что они хотели бы вывести американцев за пределы первой цепи островов, за пределы второй цепи островов и подальше от Китая.

Почему я это говорю? Сейчас я объясню свою позицию и расскажу, что я думаю о соперничестве в области безопасности между Соединёнными Штатами и Китаем в Восточной Азии. Просто расскажу, что, по моему мнению, там происходит. Затем расскажу о том, что происходит здесь, в Европе, с точки зрения конкуренции между США и Россией. И, конечно, когда я буду говорить о конкуренции между США и Китаем, я сосредоточусь главным образом на Тайване, а когда я буду говорить о конкуренции между США и Россией в Европе, я сосредоточусь в основном на Украине. Я попытаюсь убедить вас, что это действительно опасные ситуации.

Что касается американо-китайской конкуренции. Происходит следующее: Китай является равным соперником Соединённых Штатов. Если вы расположите по порядку три великие державы глобальной политической системы, то сейчас Соединённые Штаты остаются самым могущественным государством на планете. Китай идёт вторым, почти не отставая, и в Соединённых Штатах есть большие опасения, что китайцы в конечном итоге догонят нас, а Россия на третьем месте. Некоторые эксперты утверждают, что Россия даже не следует считать великой державой. Кто-то может поспорить, что сегодня мы живём в биполярном мире, в котором конкурируют только США и Китай. Я не согласен с этим. Я считаю Россию великой державой. Китай — потенциальный гегемон, потенциальный гегемон в Азии.

Китай становится очень могущественным, а в международной политике, когда вы становитесь очень могущественным, в идеале вы доминируете в своём регионе. Вы являетесь региональным гегемоном и следите за тем, чтобы ни одна другая страна на планете, на самом деле никакая другая великая держава на планете, не доминировала в своём регионе мира так, как вы доминируете в своём. Конечно, ярким примером этого являются Соединённые Штаты Америки. Мы — единственный регион в мире. Мы — единственный региональный гегемон в мире. Мы господствуем в Западном полушарии. Ни

между Китаем и Соединёнными Штатами. Основной фокус сейчас — Тайвань, а Тайвань — это действительно опасная ситуация. Даже в истории холодной войны 1947–1989 годов аналогичной ситуации не было. Берлин не был эквивалентом Тайваня.

Почему Тайвань так чрезвычайно опасен? Во-первых, китайцы считают его священной территорией и отчаянно хотят её вернуть. Во-вторых, американцы не позволяют Китаю захватить Тайвань, потому что твёрдо убеждены, что для США он имеет большое стратегическое значение. Что сейчас происходит на самом деле? Соединённые Штаты всё ближе и ближе продвигаются к Тайваню. Визит Нэнси Пелоси — это только один из индикаторов того, как мы подбираемся к Тайваню всё ближе и ближе. И это, конечно, злит китайцев, потому что это священная территория. И здесь в игру вступает национализм, который лишь разжигает американцев, мешающих вернуть Тайвань. Это создаёт большое напряжение. И третья причина заключается в том, что легко представить себе холодную войну в Восточной Азии, переходящую в горячую войну из-за Тайваня, потому что это будет битва за остров в огромной акватории. Во времена холодной войны было трудно представить себе развязывание войны в Центральной Европе, потому что были две огромные армии с тысячами ядерных боеголовок на вооружении. Если бы эти огромные армии столкнулись друг с другом со всем этим ядерным оружием, мы бы, вероятно, все сгорели. Поэтому, когда мы проводили военные учения во время холодной войны, было очень трудно разжечь войну в Европе, потому что все понимали, какими будут последствия. Гораздо проще представить войну, разразившуюся из-за Тайваня. Это маленький остров посреди большого водного пространства. Кстате, две другие потенциально горячие точки территориального конфликта в Восточной Азии как раз Южно-Китайское море и Восточно-Китайское море. Поэтому легко можно себе представить войну, разгорающуюся из-за этих двух морей.

Так что сейчас вы понимаете разницу между холодной войной прошлого века в Центральной Европе и новой холодной войной в Восточной Азии между Китаем и Соединёнными Штатами из-за Тайваня, Южно-Китайского моря или Восточно-Китайского моря. Итак, в Восточной Азии назревает большая проблема. Я не утверждаю, что война неизбежна, но будет очень трудно избежать перерастания острой конкуренции в области безопасности в настоящую войну.

Давайте сейчас сменим тему. Отправимся в Европу и поговорим о том, что происходит на Украине. Здесь мы сосредоточимся в основном на диаде США — Россия. Очень важно понимать, что американцы контролируют ситуацию на Западе. Путин не хочет разговаривать с европейцами. Он хочет разговаривать с американцами. Он знает, что главный босс. Поэтому, когда вы думаете о войне на Украине, в действительности самое большое значение имеют США и русские. Ну и в дополнение, конечно, украинцы.

Сейчас на Западе общепринятое мнение о том, что здесь происходит, следующее: Путин — империалист, и он стремится создать большую Россию или воссоздать Советский Союз. Что он намеревается сделать на Украине? Завоевать эту страну, оккупировать эту страну и интегрировать её в большую Россию. Это же общепринятое мнение говорит о том, что Украина — первая остановка, когда он закончит с Украиной, он собирается двигаться дальше в другие государства, такие как Эстония, Латвия, Литва, может быть, Польша, что знает? Но эта позиция основана на том, что Путин — империалист. Он агрессивен, заинтересованный в построении империи. Это общепринятое мнение, которое вы все знаете. Я полагаю, что большинство из вас даже верит в это.

Моё мнение — это просто неправильно. Нет никаких доказательств, подтверждающих это. Я считаю, если вы собираетесь выдвигать этот аргумент, вы должны представить доказательства того, что Путин сказал о

желании завоевать Украину и создать большую Россию. Вы должны представить доказательства того, что он думал о возможности это сделать, и вы должны представить доказательства того, что именно это он и делал. Доказательства нет. И я хочу подчеркнуть это слово — нет. Нет никаких доказательств того, что он хотел завоевать Украину, или создать большую Россию, или завоевать какую-либо другую страну. Нет никаких доказательств того, что он думал, что это возможно. Нет никаких доказательств того, что он говорил, что сделает это. Более того, у него нет и не было ресурсов и возможностей сделать это. Русские вторглись на Украину, имея 190 тыс. человек. 190 тыс. человек никак не могут завоевать территорию, на которой проживает 40 с лишним миллионов человек. Когда немцы вторглись в Польшу в 1939 году, численность армии составляла 1,5 млн. Чтобы завоевать такую страну, как Украина, оккупировать её и присоединить к своей стране, вам нужна огромная армия. Вы не делаете это с армией в 190 тыс. человек. Кроме того, у этого человека, Владимира Путина, нет под рукой такой профессиональной армии, как армия вермахта. У Путина есть маленькая армия, и это не вермахт. Российская армия в том виде, в котором она сейчас, не сможет завоевать всю Украину. Если вы посмотрите на использованную стратегию, то мой аргумент обретает смысл. Это не тот случай, когда Путин ведёт себя как империалист. Мой аргумент таков: попытка Запада превратить Украину в западный бастион на границах России рассматривалась русскими как экзистенциальная угроза. Самая яркая из всех красных линий, как сказал Билл Бернс, некогда посол США в Москве. Для российской элиты идея о включении Украины в НАТО, идея о включении Украины в ЕС, идея о том, что мы собирались продвигать "оранжевую революцию" и превратить Украину в прозападную либеральную демократию, неприемлема. Это была и есть экзистенциальная угроза для россиян. Вы можете не считать это экзистенциальной угрозой, но то, что вы думаете, не имеет значения. Единственное, что имеет значение, это то, что думают русские, а русские считали это экзистенциальной угрозой. Они недвусмысленно дали нам понять, что это экзистенциальная угроза, и какова была наша реакция? Мы проигнорировали то, что они говорили, и продолжали настаивать на вступлении Украины в НАТО, на вступлении Украины в ЕС, на превращении её в прозападную либеральную демократию.

ПОЧЕМУ МЫ это делали? Я скажу вам почему. Потому что русские были слабы. Вот что происходит, когда ты слаб в международной политике. Русские с самого начала протестовали против расширения НАТО. Первый транш состоялся в 1999 году, второй транш расширения произошёл в 2004 году. Верно? Русские каждый раз громко протестовали. Мы не обращали внимания. Мы просто заставляли их это принять. Они были слабыми, а раз они слабые, мы можем это сделать. В 1999 году нам это удалось. В 2004 году нам это удалось, а в 2008 году мы сказали: мы собираемся ввести Грузию и Украину в НАТО. Русские ясно дали понять: вы не делаете это, вы не делаете это. Мы будем сопротивляться. Это было ясно давно. Что мы сделали? Мы упорно продолжали удваивать ставки. Мы просто продолжали давить, давить и давить. Нужно понять, что с российской точки зрения нынешний военный конфликт — это реальная угроза существования. Они должны выиграть эту войну. Они не могут позволить себе проиграть в ней. Если вы принимаете аргумент о том, что Путин — империалист и он просто стремится завоевать ещё какую-то территорию и создать большую Россию, тогда вы можете заключить сделку перемирия и положить конец этой войне. Однако если вы представите, что русские рассматривают это как экзистенциальную угрозу, вы подумаете об этом конфликте совершенно по-другому, потому что вы имеете дело с великой державой, вооружённой до зубов тысячами ядерных

боеголовок, которая сталкивается с угрозой существования. Это мой взгляд на российское видение того, чем это должно закончиться. Они должны победить. Россияне не могут позволить себе проиграть.

Какова американская политика и какова украинская политика? Американская политика заключается в том, что мы собираемся победить русских на Украине. Это, конечно, политика Запада. В эту политику глубоко вовлечена Норвегия. Верно? А также разрушить их экономку санкциями и способствовать смене режима, а затем предать Путина суду и, возможно, даже развалить Россию. Это наша цель. Мы идём к победе, мы думаем, что сможем победить на Украине. Путин думает, что он должен победить. Мы думаем, что мы можем победить, а украинцы — это простой вопрос. Конечно, с их точки зрения, они хотят вернуть себе всю свою территорию, и они хотят максимально ослабить русских, чтобы Россия не смогла вернуться. Так что в этом конфликте русские добиваются бесспорной победы. Украинцы и американцы добиваются бесспорной победы. О чём это говорит? Это говорит о том, что дипломатические решения здесь нет. Вот почему все в принципе понимают, что это будет затяжная тушкановая ситуация. Или, по крайней мере, они думают, что это будет затяжная тушкановая ситуация, потому что в ней нет выхода.

Есть ещё один аспект, который больше всего вызывает беспокойство. Это ядерная эскалация. Россия думает, что она сталкивается с угрозой существования, и, опять же, не имеет значения, что вы думаете. Русские думают так. Они думают, что стоят перед лицом экзистенциальной угрозы. Что произойдёт, если НАТО добьётся успеха? Что произойдёт, если мы начнём побеждать и российская армия вернётся к своим границам обратно? И если мы действительно начнём приближаться к границам России?

Когда я говорю "мы", я имею в виду украинские силы, поддерживаемые мощью НАТО. Русские, скорее всего, применят ядерное оружие, чтобы спасти ситуацию. Это великая держава, которая сталкивается с угрозой существования и проигрывает. Вы не думаете, что она серьёзно задумается о применении своего ядерного оружия? Вы можете быть уверены, что это так. Я люблю рассказывать историю о Японии 1945 года. 1945 год. Американцы победили Японию к августу 1945 года. Япония была побеждена. Мы просто не могли заставить японцев поднять руки и капитулировать. Мы думали, что нам придётся вторгнуться на Японские острова. Мы знали, сколько потерь было на Окинаве и на Иводзиме, и мы не хотели вторгаться на Японские острова. Мы отчаянно пытались избежать вторжения на Японские острова. И вы знаете, что мы сделали? Мы сбросили на Японию две атомные бомбы. Мы могли это сделать, ведь у японцев не было своего ядерного оружия, и они не собирались принимать ответные меры. У меня есть новость для вас. У украинцев нет своего ядерного оружия, и, если русские применят ядерное оружие на Украине, она не сможет нанести ответный удар. Как вы знаете, мы тоже не собираемся начинать новую войну Трумэна, используя ядерное оружие для защиты Украины.

Так что... Вы видите, что потенциал ядерной эскалации здесь реален и, принимая во внимание последствия, этот потенциал не должен быть очень высоким, чтобы заставить всех серьёзно задуматься. Нужно понять, что действует странный парадокс: чем успешнее мы ведём войну на Украине, тем больше вероятность того, что русские обратятся к ядерному оружию. Это не значит, что так и будет. Это значит, что это становится реальной возможностью.

Итак, заключение. История, которую я рассказал вам здесь, такова: многополярный мир, в котором мы сейчас живём, имеет два открытых потенциальных конфликта между великими державами, и оба они, как я попытался описать, очень опасны. Так что всем нам следует очень бояться мира, в котором мы живём, и ещё больше бояться мира, к которому мы движемся.